

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АВГУСТЪ

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CLXXIV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1874.

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1872 годъ (Продолженіе).

Правительственныя распоряженія.

Успѣхи психологій за послѣднее время !. М. Владиславлева.

Древнія русскія сказанія въ лѣтописяхъ. И. Хруцова.

Задружно - общинный характеръ политическаго быта древней Россіи (Окончаніе). Ѡ. И. Леоптовича.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи. Изслѣдованіе Н. П. Барсова, бібліотекаря Императорскаго Варшавскаго, университета. В. 1873. Л. Майкова.

Логика. Обзорніе индуктивныхъ и дедуктивныхъ приемовъ мышленія и историческіе очерки: Логикѣ Аристотеля, схоластической діалектикѣ, логики формальной и индуктивной. М. Владиславлева. Спб. 1872 г. А. Свѣтлина.

Италіанскіе университеты (Продолженіе). . . А. Ѡ. Кистяковскаго.

Берлинская статистическая семинарія. . . . П. Пудовикова.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) высшія учебныя заведенія, б) гимназій.

О командировкѣ В. В. Вогишича въ Черногорію.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обѣртки.)

ДРЕВНІЯ РУССКІЯ СКАЗАНІЯ ВЪ ЛѢТОПИСЯХЪ.

Сказаніе о Василькѣ Ростиславичѣ.

Литературѣ историческихъ повѣстей и лѣтописныхъ сказаній мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ богатую преданіями начальную исторію своего народа. Тогда какъ о первыхъ временахъ исторической жизни западно-европейскихъ государствъ (за исключеніемъ лишь Англіи) повѣствуютъ латинскія произведенія Григорія Турскаго, Павла діакона, Видукинда, мы знакомимся съ событіями Руси IX и X вѣковъ исключительно по лѣтописямъ, писаннымъ на родномъ языкѣ. Для болѣе яснаго опредѣленія значенія нашей древней исторической письменности остановимся нѣсколько на сосѣдней съ нами странѣ—Германіи. Выѣстъ съ христіанскимъ просвѣщеніемъ проникла туда латинская богослужбная письменность, и слабыя начатки языческой грамотности должны были пританься, исчезнуть до поры, до времени. Чуждый языкъ сталъ символомъ всего святаго, языкъ народный въ письменности могъ быть только выраженіемъ отринутаго, языческаго. Письменность лишь изрѣдка снисходила до него, — на немъ писались глоссы, поясненія къ священному тексту. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій народный языкъ не пріобрѣталъ правъ на письменность, — и всѣ памятники церковные, юридическіе и историческіе, за рѣдкимъ исключеніемъ, писаны по-латыни. Когда развилась рыцарская поэзія и проникла въ стѣны монастырей, то и монахи, бравшіеся за нею съ душеспасительною цѣлью, рѣшились занести на бумагу народную эпическую пѣсню, но предварительно перевели ее на латинскій языкъ. Въ то время, когда Гильдебрандова былина была записана монахомъ, враждебное отношеніе латинскаго просвѣщенія къ языческой народности начало исчезать. Возникъ періодъ двосвѣрія: христіанскія вѣрованія получали народное значеніе, а народные обычай мноиче-

скаго происхожденія освящались авторитетомъ церкви. Но въ исторической литературѣ, по традиціи и обычаю, все еще господствовала латынь; однако, по самому складу своему, она напоминаетъ нѣмецкую рѣчь, тамъ и сямъ появляются нѣмецкіе эпиграфы, народныя изреченія. Предстояло сдѣлать лишь главный шагъ—излагать по нѣмецки все то, что не относится прямо къ церкви и не можетъ породить раскола въ ней, хотя вселенской по названію, но папской, слѣдовательно римской, по существу.

Наконецъ наступила пора, когда литература должна была раздѣлиться на церковную латинскую и на свѣтскую народную. Случилось это въ эпоху Крестовыхъ походовъ—эпоху творчества, поэтической фантазіи. Матеріала было много; не забытая миеологія воскресла при этомъ въ новой формѣ и переплелась съ идеалами христіанскаго міра и мусульманскаго востока. Богатый рыцарскій эпосъ сталъ потребностью общества: имъ жили, въ него вѣровали, имъ наслаждались и во имя его дѣйствовали. Поэзія сдѣлалась какъ-бы ремесломъ; караваны страстующихъ пѣвцовъ потинулись отъ замка къ замку. Чѣмъ обширнѣе была потребность пѣсенъ, чѣмъ обширнѣе крутъ сказаній, тѣмъ труднѣе было пѣвцамъ обойтись безъ нисъмешности. Образовались школы пѣвцовъ, собиравшихъ эпическіе циклы, обработывавшихъ ихъ письменно по складу и по содержанію. Подъ вліяніемъ поэтической литературы и историческая письменность теряла схоластическую форму, общее умозрительное, наблюдательное описаніе смѣнялось живымъ индивидуальнымъ разказомъ. Самъ авторъ хроники стоитъ на первомъ планѣ въ своемъ произведеніи и увлекаетъ читателя, подобно странствующему пѣвцу, теплотой и занимательностью своего разказа.

Не таковы судьбы нашей исторической литературы въ средніе вѣка. Мы получили готовую письменность на родственномъ языкѣ. Служа тѣмъ же цѣлямъ, какимъ служилъ на западѣ латинскій языкъ, церковно-славянское нарѣчіе охраняло нашу письменность отъ вторженія въ нее языческихъ народныхъ элементовъ. Но народной сгрудъ легче было проникнуть въ страницы, писанныя на языкѣ столь близкомъ къ народному. Точкой соприкосновенія двухъ элементовъ церковно-славянскаго и древне-русскаго служили лѣтописи.

Но лѣтописи наши развернулись въ новѣсть о быломъ тогда, когда духъ христіанскаго и монашескаго смиренія господствовалъ въ литературной школѣ. Внутреннія войны со всѣми ихъ дѣйствіями и нашествія племенъ варварскихъ поддерживали строгость аскетиче-

скаго взгляда. Столкновеніе живаго народнаго элемента съ церковнымъ на западѣ рѣшилось въ пользу перваго, на Руси же—въ пользу послѣдняго. Подслушивая народныя преданія, лѣтописецъ нашъ, на сколько могъ, пріурочивалъ ихъ къ своему книжному міросозерцанію, никогда не нисходилъ до бытовыхъ чертъ, никогда не вдавался въ живыя подробности о личности своей или даже своего героя. Скромный, грѣшный, худой, — онъ проситъ прощенія, если впалъ въ ошибку; имя свое вноситъ рѣдко на страницы лѣтописи,—да и то лишь для того, чтобы упомянуть его въ молитвахъ. Чаще же всего онъ не считаетъ пужнымъ не только повѣствовать о себѣ, но даже заявлять о своемъ существованіи. Г. Погодицы припоминаетъ, что Шлецерь отдавалъ преимущество нашимъ лѣтописямъ передъ западными за то, что въ нихъ не было ничего умышленнаго, невѣрнаго, что онѣ писаны просто, ясно, безъ украшеній. Но если такъ, то онѣ были бы паввы, не подчинены руководящей идеѣ и поэтому въ высшей степени поэтичны, поэтичны какъ безыскусственный эпосъ, а этого нѣтъ: лѣтописи наши отличаются простодушіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и искусственностью съ самыхъ раннихъ поръ. Ясностью и безыскусственностью отличаются Новгородскія лѣтописи, но онѣ уже чужды поэзіи. Это какія-то дѣловыя, правда, простодушныя, но крайне прозаическія записи. Безъ искусственности, безъ *школы* не возникаетъ письменность, и безъ руководящей идеи не возможно развиваться въ ней творчеству. Поэзія проникаетъ въ наши лѣтописи въ цвѣтущую Кіевскую пору, и эта-то лѣтописная литература замѣняетъ намъ все, что уцѣлѣло отъ живыхъ народныхъ преданій. Она доноситъ до насъ идеалы, какими жила образованная часть общества.

Народная жизнь проникала въ лѣтопись на столько, на сколько лѣтописцы оставались вѣрны интересамъ своего города и земли, или даже партіи. Въ приговорахъ ихъ замѣтно пристрастіе въ тѣмъ или другимъ князьямъ, сочувствіе и несочувствіе къ городамъ и областнымъ землямъ русскимъ. Текстомъ изъ Священнаго Писанія авторъ подкрѣпляетъ свое личное воззрѣніе на событіе. Призваніе благословенія Божія и воззваніе къ его праведному суду часто находится въ связи съ личнымъ и пристрастнымъ воззрѣніемъ лѣтописателя.

Такимъ образомъ, древній русскій лѣтописецъ иногда выступалъ изъ области идеальнаго христіанскаго міросозерцанія и погружался въ страстныя волны житейскаго моря. Такія разнородныя свойства дѣлаютъ наши лѣтописи отголоскомъ людей, проникнутыхъ духовными воззрѣніями на событія грѣшнаго міра, съ другой же стороны,—

отголоскомъ наблюдателей дѣйствительной жизни и интересовъ того города и той земли, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ писатель. Лѣтописецъ русскій не всегда былъ затворникомъ, не покидавшимъ своей колы; часто изъ оживленнаго разказа его видно, что онъ присутствовалъ на вѣчевой сходкѣ, при спорѣ князя съ дружиной и гражданами; онъ участвовалъ въ походѣ, бывалъ очевидцемъ сѣчи, осады города, ликовалъ съ побѣдителемъ, сѣтовалъ съ побѣжденнымъ, слушалъ князей, договаривавшихся о мирѣ и присутствовалъ при обычномъ крестоцѣлованіи. Духовникъ княжескій, или пономарь, или свѣтскій человекъ, употребившійся княземъ для писанія крестоцѣловальныхъ, судныхъ и дарственныхъ грамотъ,—онъ писалъ свои замѣтки по большей части на досугѣ, и принимаясь за перо, все-таки старался отрѣшиться отъ личныхъ интересовъ и усвоить себѣ роль безпристрастнаго судьи-христіанина, какъ того требовало литературное направленіе.

Сказанія, записанныя очевидцами, лицами, испытавшими непосредственное впечатлѣніе событій, составляютъ существенную и наибольше творческую часть нашихъ лѣтописныхъ сводовъ.

Монахъ-историкъ пользовался подобными отдѣльными сказаніями, приводилъ ихъ въ порядокъ, по годамъ; вставлялъ тамъ и сямъ свое наставленіе, свой молитвенный возгласъ, присоединялъ свою монастырскую лѣтопись, и такимъ образомъ создавался цѣлый лѣтописный сводъ, цѣлый *лѣтописецъ*. Отдѣльныя сказанія появились ранѣе сводовъ лѣтописныхъ и входили въ послѣдніе или цѣликомъ, или въ сокращеніи и передѣлкѣ. Самая же эпоха, въ которую стали чаще и чаще писаться отдѣльныя сказанія, и была эпохою появленія лѣтописныхъ сводовъ. Лѣтописатель перестаетъ довольствоваться лишь современнымъ: онъ хочетъ творить, возсоздавать бывшее, разказывать о томъ, что не записано, подтверждать или отрицать преданія городскихъ, общенародныя; приравливать къ своему своду готовые сказанія и тутъ же вставлять готовые поученія; во всемъ этомъ имъ двигаетъ желаніе *повѣдати* о старинѣ забытой: „*Се повѣсти временныхъ лѣтъ*“. Повѣствователь благо становится историкомъ въ серьезномъ значеніи слова, хочетъ сдѣлать извѣстнымъ забытое (*повѣдати*), отодвинутое въ даль событіе, и излагая современныя происшествія, имѣетъ въ виду потомство. Творчество и вдохновеніе необходимы для *повѣсти* или *повѣданія*, и названія эти первоначально относятся къ разказу о завѣтномъ бывшемъ, о чемъ звучала пѣсня и твердило народное преданіе.

Сказаніе отличается отъ повѣсти прежде всего правдивостью, близостью автора къ событію и отсутствіемъ того вдохновенія, которое необходимо для повѣсти. Но и сказаніе не составляетъ первой ступени повѣствовательнаго творчества. Для появленія цѣлаго сказанія объ отдѣльномъ событіи необходимо, чтобъ авторъ былъ сильно заинтересованъ этимъ событіемъ, остановился бы на немъ, сосредоточился. И вотъ онъ обыкновенно вводитъ читателя въ такой особый разказъ словами: „скажемъ вкратцѣ, скажемъ мало... се же хочу сказать яже слышахъ“.

Такимъ образомъ, встрѣчающіяся въ лѣтописныхъ сводахъ *сказанія* представляютъ нѣчто среднее между повѣстью и бѣглымъ разказомъ — записью, который и былъ первоначальною литературною формою лѣтописи. Остановимся нѣсколько на первоначальныхъ литературныхъ родахъ лѣтописнаго творчества — на записи и разказѣ. Опредѣленіе этихъ послѣднихъ покажетъ относительную высоту сказанія и повѣсти.

Ученными нашими доказано, что мы воспользовались системою лѣтосчисления отъ Византійцевъ ¹⁾, — и это былъ первый шагъ нашего научнаго сближенія съ образованнымъ міромъ. Пасхальныя таблицы съ готовыми рядами годовыхъ цифръ были важнымъ подспорьемъ, которымъ воспользовалась наша юная грамотность для погоднаго записыванія событій. Первоначальныя лѣтописи наши велись, какъ видно, людьми не духовными. Въ тѣ времена, когда религія христіанская не была еще господствующею на Руси, князья люди стали записывать событія жизни ратной. Доказательствомъ тому, что древнѣйшія лѣтописи не были писаны духовными лицами, служитъ то, что въ нихъ не отмѣчены событія, важныя для успѣховъ христіанства ²⁾. Кратка и сжата форма первоначальныхъ лѣтописей. Онѣ состоятъ изъ упоминаній о походахъ, о рожденіи или смерти князей, или о необычныхъ небесныхъ явленіяхъ ³⁾.

¹⁾ *Сухомятовъ*: О древней русской лѣтописи, какъ о памяти. литерат., 30—45.

²⁾ *Срезневскій*: Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ, стр. 17.

³⁾ Такъ, напримѣръ: лѣто 6428 Игорь воеваше на Печенѣгы. Въ лѣто 6423 придоша Печенѣзи первое на Русскую землю (лѣтопись времянь Игоря). Въ лѣто 6419 явися звѣзда копіннымъ образомъ (времянь Олега). Въ лѣто 6474 Вятичи побѣди Святославъ и дань на нихъ възложи. Въ лѣто 6490 иде Володимѣрь на Ятвяги и побѣди Ятвяги и взя землю ихъ. Въ лѣто 6508 преставися Малъгаръдъ и т. п. Подобнаго рода записи помѣщались въ клѣточкахъ пасхаль-

Но при простыхъ, сжатыхъ упоминаніяхъ можно и въ первоначальныхъ лѣтописяхъ встрѣтить стремленіе къ освѣщенію факта. Запись оживляется подробностью, которая уже не могла умѣститься въ кліткѣ пасхальной таблицы ¹⁾. „Подробности эти“ сохраняютъ намъ драгоценныя черты быта, „бросаютъ свѣтъ на промыслы, образъ жизни, обычаи нашихъ предковъ, даютъ намъ представленія объ одеждѣ, вооруженіи, монетахъ“, — такъ говоритъ академикъ Срезневскій въ своихъ чтеніяхъ о первоначальныхъ лѣтописяхъ X вѣка, дошедшихъ до насъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ. То же можно сказать о лѣтописяхъ послѣдующихъ временъ, и здѣсь было бы неумѣстно подробно указывать на археологическіе, бытовые, юридическіе выводы о древней Руси, сдѣланные многими учеными на основаніи этихъ мелкихъ, случайныхъ подробностей въ лѣтописяхъ.

Краткія свѣдѣнія о событіяхъ оживляются съ самыхъ раннихъ поръ разговорною рѣчью ²⁾. До сихъ поръ на сѣверѣ Россіи, гдѣ крѣпко хранится старина, замѣтна любовь къ вносимымъ рѣчамъ. Случаяя ново- или архангело-городскую рѣчь, по неволѣ замѣчаешь это безпрестанно: „опъ ска, она ска“. Сходно съ этимъ и реченіе: „молъ“.

Лѣтописи Новгородскія или Псковскія отличаются, какъ извѣстно, простотой и безыскусственностью. Онѣ свѣжи, народны, первообразны, кратки и правдивы въ непосредственной передачѣ впечатлѣній. Поэтому, онѣ и остаются на долго образцомъ первоначальной, литера-

ной таблицы. Такъ, въ пасхальной таблицѣ 1350 изъ Псаломника синодальной библиотеки, изданной г. Сухомлиновымъ, а потомъ г. Срезневскимъ въ приложеніяхъ къ «Памяти древн. письма и языка», встрѣчаемъ записи подъ разными годами, но по недостатку мѣста въ еще большей сжатости: «Олександръ князь преста-вися. Торжежъ взять»... Подобныя замѣтки встрѣчаются въ молитвенникахъ, псалтиряхъ, сборникахъ и ранѣе, и позднѣе XIV вѣка. Такъ, напримѣръ, въ сборникѣ молитвеннаго содержанія, конца XV вѣка (библ. Моск. Дух. Акад. № 515, л. 511), встрѣчаемъ краткую лѣтопись безъ характеромъ, свойственнымъ календарной замѣткѣ: «Лѣта 7017 преста-вися вную князь Дмитрій. Лѣта 7038 гости приходили изъ Ногаи с'тсваромъ и с'коными и пригону было 8.000. Лѣта 7042. Приходили гости Ногаи, коней 5.000. Преста-вися благо-вѣрный внокъ Варлаамъ. Шемаичеву княгиню съ 2 дочерьми постригли не-волею въ Каргополе».

¹⁾ — «Козари имаху на Полянѣхъ—по бѣлѣ и выверциѣ отъ дыма. — Поча Олегъ воевати Дерезяны и примучивъ и имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ».

²⁾ Уже въ извѣстїи о походѣ Олега на Сѣверинъ встрѣчается разговорная форма, и она-жъ еще полнѣе обрисовываетъ его отношеніе къ Радимичамъ: «Кому дань даде? Они же рѣша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не дайте Козаромъ, до мнѣ дайте» и т. д.

турной формы повѣствованія. Въ нихъ нѣтъ стремленія остановиться на быломъ, давно прошедшемъ, что уже составляетъ высшую степень историческаго творчества. Замѣчательно, что Новгородско-Псковское лѣтописаніе, до XVII вѣка включительно, сохранило свой древній характеръ немногословнаго, скупаго на подробности изложенія, при языкѣ сжатомъ и выразительномъ. Разговорная форма составляетъ особенность этихъ лѣтописей. Одинъ изъ древнѣйшихъ разказовъ служитъ тому доказательствомъ: „а вы плотници сунце, а приставимъ вы поромъ рубити“. Разговорная рѣчь часто нарушаетъ теченіе разказа, едва начавшагося. Новгородцы, разказываетъ лѣтописатель, задумавъ изгнать Всеволода, „всадиша его въ епископъ дворъ съ женою и съ дѣтьми... а се вины его творяху: 1, не блюдетъ смердь. 2“—но тутъ форма разказа нарушается безъ всякихъ оговорокъ личнымъ обращеніемъ къ князю: „чему хотѣлъ еси сѣсти Переяслави. 3, ѣхалъ еси съ пѣлку переди всѣхъ“... Сжатый разказъ, оживленный вносною рѣчью, свидѣтельствуетъ о свѣжести событія въ то время, когда оно описано.

Разговорная форма и молитвенные возгласы и восклицанія—вотъ тѣ стихіи, которыми оживилась погодная записка.

Отъ записи или сжатаго разказа, писаннаго подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событія, слѣдуетъ отличать разказъ, составленный по прошествіи нѣкотораго времени, когда лѣтописатель оглядывается назадъ и группируетъ событія извѣстнаго года. Тутъ требуется умѣнье представить нѣсколько событій и объединить ихъ по возможности. Оглядываясь назадъ, лѣтъ за десять или болѣе, при сведеніи въ одно различныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ одного года, лѣтописатель прибавляетъ къ сему матеріалу свои собственные воспоминанія и даетъ нѣчто цѣльное, оконченное. Въ сжатыхъ, немногословныхъ разказахъ Новгородскихъ лѣтописей замѣтно умѣнье точно очерчивать событія многихъ мѣсяцевъ, а иногда и годовъ. Такъ, напримѣръ, подъ 6675 годомъ (Новгор. 1-я, 14 стр.) встрѣчаемъ нѣсколько разнородныхъ извѣстій. Изъ нихъ одинъ кратки, и по всей вѣроятности, переписаны изъ погодныхъ, какъ-бы календарныхъ, помѣтокъ. Мы ихъ находимъ въ началѣ и въ концѣ статьи, помѣченной годовою цифрою. Въ началѣ мы читаемъ: „сѣде Мстиславъ Изяславиць Клевѣи на столѣ. На ту же весну заложи Сѣдко Сытипиць церкви камяну святую мученику Бориса и Глѣба, при кпязи Смытославѣ Ростиславицѣ, при архіепископѣ Іліи“. Въ концѣ: „на ту же зиму ходи Мстиславъ на Половци... Преставися раба Вожиа Аппа игуменія святиа Варвары

и поставили на мѣсто ея Мареньину^а. Но середина посвящена разказу объ усобицѣ Новгорода съ княземъ Святославомъ Ростиславичемъ. Разказъ этотъ обнимаетъ событіе отъ начала до конца. Усобица началась лѣтомъ и отъ Семена дня (1-го сентября) до Пасхи Новгородцы сидѣли безъ князя. Очевидно, разказъ лѣтописи писанъ не прежде Пасхи, то-есть, онъ писанъ по вокняженіи Романа Мстиславича, который сѣлъ на столѣ 14-го апрѣля во вторую недѣлю по Пасхѣ, слѣдовательно, по наступленіи новаго мартовскаго года, — и лѣтописатель отложилъ говорить объ этомъ до новой рубрики: до 6676 года. Вникая въ группировку событій, описанныхъ подъ 6675 годомъ, мы видимъ, что лѣтописатель имѣлъ въ виду ихъ послѣдовательность по времени. Въ началѣ мартовскаго года, вскорѣ послѣ смерти дяди своего Ростислава, умершаго 21-го марта, вокняжились Мстиславъ Изяславичъ (правнукъ Мономаха) въ Кіевѣ. Весною была совершена закладка церкви Бориса и Глѣба въ Новгородѣ. Лѣтомъ Новгородцы извѣстились о пріѣздѣ митрополита Константина въ Кіевъ, и тутъ же вскорѣ князь Святославъ отправился въ Луки, съ чего и началась усобица, продолжавшаяся до Семена дни. Зимой, къ концу года, Кіевскій князь, какъ слышалъ Новгородецъ, одержалъ побѣду надъ Половцами, а въ Новгородѣ отмѣчена была перемѣна игуменя въ монастырѣ св. Варвары.

Группировка событій по годамъ и есть собственно трудъ и заслуга составителя лѣтописи. Такимъ образомъ, лѣтописи состоятъ: а) изъ помѣтокъ о только-что случившемся происшествіи и б) изъ разказовъ по воспоминанію лица пишущаго, которое иногда пользовалось и немногословными помѣтками пасхальныхъ таблицъ. Разказы преобладаютъ надъ помѣтками, ими полны лѣтописи, — и вездѣ видно, что они ведутся спустя долгое время послѣ того года, о которомъ идетъ рѣчь. За это говорятъ многіе признаки. Такъ, напримѣръ, при извѣстіяхъ о смерти князей или духовныхъ лицъ по большей части не означено числа и мѣсяца. О событіяхъ, совершившихся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и даже годовъ, разказывается такъ точно и опредѣленно, какъ это возможно по прошествіи нѣкотораго времени, когда исчезнуть слѣды горячаго перваго впечатлѣнія. Наконецъ, части разказа связываются между собою частицею *тогда* (тѣгда же родился у князя сынъ у Ірослава).

Но во всякомъ случаѣ краткіе погодные разказы нашихъ лѣтописей писаны не потомками современниковъ, а самими современниками событій, хотя и не по слѣдамъ первыхъ живыхъ впечатлѣній,

а по воспоминавію. Не современное событію лицо не могло бы знать подробности, не освѣщенныя никакою поэзіей, и слѣдовательно, не прочныя для преданія, какъ на примѣръ: „и иде въ городъ воевода пойма съ собою попа, Ивана Легена (Новг. 1, II. С. Р. Л., стр. 21). Иногда нельзя не видѣть въ этихъ погодныхъ разказахъ и личныхъ впечатлѣній автора.

Лѣтописные разказы, въ которыхъ группируются факты и характеризуются современныя автору, но уже давно минувшія событія, составляютъ, послѣ записи, вторую ступень повѣствовательнаго искусства. Погодные разказы оживляются: а) вѣсными рѣчами дѣйствующихъ лицъ и б) религіознымъ воодушевленіемъ, когда событіе наводитъ лѣтописателя на разсужденіе о неправдѣ людской, когда онъ, ища оправданія въ Богѣ, умиляется, вадыхаетъ, кается въ грѣхахъ своихъ, поучаетъ, обличаетъ и грозитъ Божиимъ судомъ.

Въ бѣгломъ описаніи событій цѣлаго года мы замѣчаемъ большее или меньшее умѣнье очертить ихъ, и отъ этого бѣглого описанія съ высоты птичьяго полета, съ высоты хроникера-наблюдателя, отличаемъ *сказаніе*, которымъ воскрешается одно какое-нибудь событіе, и на немъ повѣствователь сосредоточивается, черпая свои свѣдѣнія изъ самаго перваго источника: онъ или самъ видѣлъ очима своими, или слышалъ отъ очевидцевъ.

Только съ появленіемъ отдѣльныхъ сказаній, цѣльныхъ и сосредоточенныхъ, образовалась и литература повѣстей. Сперва сказанія, а потомъ повѣсти составляютъ высшую ступень творчества, какъ мы уже сказали выше.

XI вѣкъ представляетъ довольно большое развитіе письменности на Руси. Вѣкъ Ярослава, насадившаго вспаханное отцомъ поле книжными словесы, вѣкъ Всеволода, владѣвшаго пятью иностранными языками, вѣкъ Лики Всеволодовны—вѣкъ молодости и мужества Мономаха, вѣкъ митрополита Иларіона, Θεодосія, Іакова Мниха и Нестора, Луки Жидити и другихъ, имѣлъ тѣ дапися, при которыхъ повѣствовательная литература могла получить развитіе, и она дѣйствительно развилась до такой степени, что составителю Повѣсти временныхъ лѣтъ пришлось воспользоваться многими готовыми письменными сказаніями, какъ-то: сказаніемъ о принятіи Ольгою вѣры Христовой, о врсеніи Владиміра, повѣстью объ убіеніи Бориса и Глѣба, сказаніемъ Василя и другими.

Приступая къ разбору одного изъ этихъ сказаній, а именно ска-

занія о Василькѣ Теробовльскомѣ, мы остановимся нѣсколько на томъ, что въ Повѣсти временныхъ лѣтъ предшествуетъ этому сказанію.

Слѣдя за лѣтописными разказами Повѣсти временныхъ лѣтъ въ эпоху дѣтей и внуковъ Ярославъ, мы видимъ такіе же бѣглые погодные разказы, какъ и въ лѣтописяхъ Новгородскихъ, но только кругозоръ лѣтописателя шире. Рѣже и рѣже попадаются частныя городскія или монастырскія замѣтки. Все вниманіе сосредоточено на князьяхъ, множившихся и распространявшихъ свои удѣлы на широкомъ пространствѣ отъ Галича Краснаго до Муромъ, Ростова, и съ Новгородскимъ ополченіемъ доходившихъ до Чуди и Югры. Характеризуя событія своимъ приговоромъ, легкимъ словомъ осужденія или похвалы, лѣтописатель имѣетъ главною задачею свить нить событій вокругъ даннаго года. Живы и образны эти разказы. Они передаютъ слова князей, посылающа ихъ рѣчи, обрисовываютъ подробности побѣдъ. Но иногда одно событіе среди всѣхъ остальныхъ блещитъ подробностями. Таково, на примѣръ, разказъ объ убійствѣ Итлара, писанный или переданный лѣтописателю однимъ изъ дружинниковъ Владиміра или знатнаго княжого мужа Ратибора. Разказъ передаетъ всѣ подробности, всѣ имена; знаетъ не только числа, по дни недѣли и часы происшествій.

Въ событіяхъ слѣдующаго затѣмъ года (6604) появляется разказъ о нашествіи Бояна съ Половцами на Кіевъ и монастырь Печерскій, писанный монахомъ Печерскаго монастыря.

Авторъ отличается взглядомъ, отреченнымъ отъ мірскихъ событій. Раздраженный прямымъ столкновеніемъ съ Половцами и разграбленіемъ своего монастыря, лѣтописатель мѣняетъ свой спокойный тонъ на страстный и оживленный. Это мы въ правѣ сказать тогда, когда согласимся принять, что всѣ событія одного и того же года на этотъ разъ переданы однимъ и тѣмъ же писателемъ. И вотъ, заживо затронутый погромомъ своей обители, монахъ передаетъ то, чему былъ очевидцемъ. „И 20-го того же мѣсяца приде второе Бояикъ безбожнѣй, ислудивѣй, отай, хищникъ къ Киеву внезапно... и придоша въ монастырь Печерскій, намъ сущимъ по кельямъ, почивающимъ по заутренѣ, и кликнуша около монастыря и поставиша стѣга два предъ враты монастырскими...“ Одни изъ насъ припрятались за домъ монастыря, другіе избѣжали на самныя зданія; безбожные же сыны Измаиловы вырубилы монастырскія ворота и пошли по кельямъ. Высѣкали двери и выносили все, что находили въ кельяхъ; потомъ зажгли домъ Святыя Владычицы нашея Богородицы; пришли къ церкви, зажгли двери, устроенныя на

югъ и другія на сѣверъ. Влѣзли въ притворъ у гроба Θεодосьева, брали иконы, зажигали двери и укоряли Бога и законъ нашъ и говорили: гдѣ есть Богъ ихъ? „да поможетъ ихъ и ина словеса хульная глаголаху“. Видимо, Богъ не помогъ христіанамъ. Самъ разказчикъ въ молитвѣ къ Богу-отмстителю говоритъ, что поганые осквернили домъ Его и монастырь Матери Его, и трупы рабовъ Его, ибо они убили—пояспяетъ онъ читателю—нѣсколькихъ отъ братіи нашей. На эта-то покорность воли Божіей и сознаніе труднаго пути, по которому Богъ ведетъ рабовъ своихъ, даетъ возможность возвыситься надъ временными бѣдами, этимъ-то исповѣданіемъ духовнаго преимущества христіанъ передъ язычниками разказъ возвышается до искренняго молитвеннаго воодушевленія и оканчивается объясненіемъ происхожденія Половцевъ на основаніи библейскихъ преданій.

Обыкновенно несчастная битва и погромъ давали поводъ къ возгласамъ о грѣхахъ и беззаконіяхъ полуязыческаго общества. Здѣсь же въ сказаніи о Боявѣ нѣтъ обличительнаго элемента: въ немъ видѣнъ человекъ, живущій въ средѣ чисто христіанской, то-есть, въ монастырѣ, каковъ былъ Печерскій. Онъ принимаетъ Божью кару скорѣе какъ испытаніе, чѣмъ какъ угрозу. Впечатлѣнію, произведенному на монаха разграбленіемъ монастыря Половцами, мы обязаны цѣлому разсужденію о происхожденіи ихъ. Это книжное мудрствованіе свое авторъ подкрѣпляетъ свѣдѣніемъ о другомъ таинственномъ, заглапномъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ, пародѣ Югрѣ, который, какъ онъ слышалъ отъ Новгородца Гюраты Роговича, мѣняетъ Новгородцамъ звѣриныя шкуры на желѣзо. Но перервавъ такимъ сказаніемъ о Половцахъ свой разказъ, лѣтописатель возвращается къ событіямъ года, за которыми онъ зорко слѣдитъ изъ кельи Печерской обители, куда очевидецъ-богомолецъ принесъ ему изъ недалекаго Переяслава подробный разказъ объ убіеніи Итларя.

Слѣдующій затѣмъ годъ посвященъ борьбѣ Олега Святославича сперва съ однимъ, потомъ съ другимъ сыномъ Мономаха. Подробности, какъ напримѣръ, стягъ Мономаха, который Мстиславъ отдалъ пѣхотѣ подъ начальствомъ Половца Кукуя, и самое движеніе войскъ въ битвѣ съ трудомъ можно было записать въ монастырѣ. Но составитель повѣсти воспользовался сказаніемъ о борьбѣ Олега Святославича съ сыновьями Мономаха и тѣмъ окончилъ 6604 годъ.

Слѣдующій годъ былъ памятенъ устроеніемъ мира въ Любичѣ и ослѣпленіемъ Василька.

О первомъ событіи сохранилось краткое лѣтописное извѣстіе, вѣрно, точно, живое, писанное не въ Любичѣ, не на мѣстѣ, а въ Кіевѣ, гдѣ велась лѣтопись. „И приде Святополкъ съ Давидомъ Кіеву, и ради быша людѣ вси, но токмо дьяволь печалень баше о любви сей, и влѣзе сатана въ сердце нѣкоторымъ мужемъ и начаша глаголати къ Давыдову Игоревичю, рекуще сице: яко Володимиръ сложился есть съ Василькомъ на Святополка и на тя“.... Здѣсь начинается подробное сказаніе о судѣбѣ князя Василька¹⁾. Сперва вы слышите, какъ Давидъ смущаетъ Святополка, какъ Святополкъ понемногу убѣждается Давидомъ и рѣшается взять Василька. Потомъ взятіе князя въ плѣнъ обманомъ.

Ослѣпленіе Василька разказано съ такою живостью и съ такими подробностями бытовыми, какія не часто встрѣчаются въ нашихъ памятникахъ. Разказъ быстро переходитъ къ послѣдствіямъ ослѣпленія, къ справедливому гнѣву князей на Святополка и Давида, къ миру подъ Кіевомъ, заключенному при содѣйствіи мачихи Мономаха, — миру, условіемъ котораго сдѣлано паденіе Святополка на Давида. Это послѣднее событіе ярко высказываетъ сочувствіе автора къ личности Мономаха. Онъ говоритъ о его слезахъ, называетъ его добрымъ, говоритъ, какъ князь этотъ уважалъ отца и чтилъ мачиху, каковъ былъ до духовенства и бѣдныхъ. Потребность отдохнуть на Мономахѣ, послѣ разказа объ гнусномъ дѣлѣ, потребность представить Владиміра защитникомъ праваго дѣла, — вотъ что заставило автора прямо съ осени перенестись къ событію весеннему и потомъ возвратиться къ продолженію своего разказа. Такое отступленіе отъ хронологіи ясно говоритъ за то, что сказаніе было вполне независимо отъ лѣтописи.

Возвращаясь къ тому, что случилось во Владимірѣ, гдѣ всю зиму просидѣлъ въ заключеніи ослѣпленный Василько, стерегомый двумя отроками Давида, авторъ впервые говоритъ о себѣ: „Василькови

¹⁾ Профессоръ *Бестужевъ-Рюминъ* (О составѣ русск. лѣтоп. до конца XIV вѣка, стр. 48) называетъ этотъ памятникъ *сказаніемъ* объ ослѣпленіи Василька. Академикъ *Срезневскій* называетъ его же лѣтописными *сказаніями* Василька, но вслѣдъ затѣмъ какъ-бы склоняется къ мысли, что это не сказаніе, а *сказаніе* объ ослѣпленіи Василька и о событіяхъ затѣмъ послѣдовавшихъ (Древн. памятн. русск. письма и языки, стр. 20). Назвать это сказаніе Василька сказаніемъ объ ослѣпленіи Василька трудно, потому что оно не ограничивается однимъ этимъ событіемъ. Между тѣмъ нѣтъ и повода отдѣлять разказъ объ ослѣпленіи отъ разказа о дальнѣйшихъ событіяхъ, гдѣ собственно и является авторъ Василька.

же сущю Володимеря, на прежерѣченномъ мѣстѣ, и яко приближися постъ великій и мни ту сущю Володимеря, во едину ноць присла по мя князь Давидъ...“

Послѣ разказа о переговорахъ между Василькомъ и Давидомъ, которые не привели князей ни къ какому соглашенію, и которыхъ проводникомъ былъ самъ авторъ, онъ переходитъ къ послѣдующимъ событіямъ: къ столкновенію Давида съ братомъ Василька, слѣдствіемъ котораго было освобожденіе Василька и возвращеніе его въ свой удѣль. Это случилось около Свитой, а весною Василько и Володаръ пошли ратью на Давида. Авторъ повѣствуетъ и объ этой рати, о мщеніи Василька и затѣмъ послѣдовательно переходитъ къ войнѣ Святополка съ Давидомъ, которая, послѣ перваго бѣгства этого послѣдняго князя, обратилась въ войну Святополка съ Володаремъ. Къ Володарю вполсѣдствіи примкнулъ Давидъ, подкрѣпленный Бонякомъ. На помощь къ Святополку пришли Угры. Счастье склонилось на сторону Давида; Святополкъ потерялъ сына, убитаго на заборолѣхъ Владиміра Волинскаго; городъ этотъ, послѣ войны, возвратилъ себѣ Давидъ Игоревичъ „и сѣде въ немъ“. Но на второе лѣто, заключаетъ повѣствователь, Святополкъ, Володимеръ, Давидъ (Святославичъ) и Олегъ не дали ему Владиміра, но дали ему Дорогобужъ, гдѣ онъ и умеръ: „въ немъ же и умре; а Святополкъ переа Володимеръ и посади въ немъ сына своего Ярославъ“.

Тутъ оканчивается сказаніе о смутахъ на Волини, главною причиною которыхъ было ослѣпленіе Василька.

Сказаніе обнимаетъ событія отъ осени 6605 (1097) до 30-го августа 6608 года, слѣдовательно, событія трехъ лѣтъ. Событія эти составляютъ послѣдовательность историческую. Автору хотѣлось разказать, чѣмъ кончилась крамола Давида, и не прерывалъ онъ своей повѣсти до тѣхъ поръ, пока не довелъ се до конца, пока не свелъ Давида со стола Владимірскаго въ ничтожный удѣль, гдѣ онъ уже потерялъ всякое значеніе до самой смерти.

Авторъ сказанія, Василій, какъ онъ себя называетъ устами Давида Игоревича, былъ Волинецъ. Онъ, какъ самъ говоритъ, жилъ зимою 6605 въ Володимерѣ Волинскомъ, когда однажды, ночью послалъ за нимъ Давидъ Игоревичъ. Князь этотъ зналъ его лично и довѣрялъ ему. Изъ этого можно заключить, что онъ былъ не только Волинецъ, но и Владимірецъ. Онъ слѣдитъ за судьбою Владиміра Волинскаго и оканчиваетъ сказаніе тѣмъ, что городъ этотъ достался сину Святополкову, а Давидъ такъ и умеръ въ Дорогобужѣ. Воло-

димірцы не любили Давида, — это ясно изъ того, что они крѣпко стояли за Мстислава Святополчича противъ своего природнаго князя и по убіеніи Мстислава, они сами по себѣ держались противъ осаждавшаго ихъ Давыда, къ Святополку же посылали вѣсть, чтобы скорѣе шелъ, а то голодъ принудитъ ихъ сдаться. Лишь только подошелъ къ городу воевода Кіевскій Путята, Володимірцы выскочили изъ города „и почаша сѣчи воѣ Давыдовы“. Такъ передаетъ самъ Василь въ своемъ сказаніи. Сказаніе это получаетъ нѣсколько болѣе опредѣленную хронологію при томъ обстоятельствѣ, что авторъ его зналъ, что Давидъ Игоревичъ умеръ въ Дорогобужѣ, а что Володимерь Волыискій все еще въ рукахъ Ярослава Святополчича. Сказаніе писано послѣ 25-го мая 6620 года и до лѣта 6625 года, то-есть, въ пятилѣтіе между 1112 и 1117 годами, слѣдовательно, въ началѣ XII-го столѣтія, спустя болѣе 15 лѣтъ послѣ ослѣпленія Васильяка.

Вспоминая о событіяхъ, которымъ былъ свидѣтелемъ, Василь пересказалъ ихъ съ точностью современника. Разказъ его чуждъ всякой искусственности, онъ говоритъ о томъ, что знаетъ близко, и не нуждается ни въ какихъ постороннихъ письменныхъ источникахъ и ни въ чьей помощи.

Разказъ его, дышашій правдою, производитъ тѣмъ самымъ сильное впечатлѣніе. Авторъ чуждъ всякаго лиризма, онъ не останавливается надъ тѣмъ, что передалъ, не восклицаетъ и не передаетъ своихъ соболѣзнованій, воспроизводя сцену ослѣпленія. Съ этой стороны онъ рѣзко отличается отъ другихъ своихъ собратій по перу, какъ напримѣръ, отъ лѣтописца, разказывавшаго о нашествіи Половцевъ. Сверхъ того, онъ не вдается и въ религіозный лиризмъ, не сѣтуетъ о грѣхахъ и не превращаетъ разказа своего въ поученіе. Онъ отчетливо и подробно говоритъ о частностяхъ, и въ томъ собственно цѣль его сказанія: передать то, чему былъ свидѣтелемъ. Въ томъ, что составляетъ продолженіе его разказа, въ военныхъ событіяхъ, онъ точенъ, правдивъ и вмѣстѣ быстръ, скоръ, какъ и другіе лѣтописатели, пересказывавшіе не эпизоды войны, а самыя войны и ихъ послѣдствія. Но и тутъ въ одномъ эпизодѣ, когда онъ говоритъ о борьбѣ Угровъ съ Половцами, талантъ его далъ себя знать однимъ выраженіемъ. Человѣкъ, умѣвшій талантливо изображать дѣйствительную жизнь, не могъ не быть чуткимъ къ живому народному поэтическому слову—и *сбиша Угры аки съ мячь, яко се соколь сбиаетъ ялицы.*

Въ другомъ мѣстѣ этотъ человѣкъ не могъ не откликнуться на

другое живое, поэтическое значеніе, слухъ о которомъ прошелъ почти на самомъ мѣстѣ дѣйствія.

Святополкъ, ослѣпившій Василька, давшій обѣщанія Мономаху и другимъ братьямъ-князьямъ идти за Василька на Давида и тѣмъ изгладить вину свою, цѣловалъ крестъ Васильку и Володарю на томъ, что хочеть имѣть съ ними миръ и любовь. И вотъ онъ, послѣ того какъ справился съ Давыдомъ и прогналъ его въ Ляхи, идетъ со всѣмъ войскомъ на Володаря и Василька; тѣ напоминають ему его клятву, сго крестоцѣлованіе, но онъ преступаетъ крестъ, „надѣяся на множество вои“. Приготовились къ бою, сошлись на полѣ Рожни, и Василько, возвысивъ крестъ, произнесъ: ты цѣловалъ его; сначала ты отнял у меня зрѣніе, а теперь хочешь взять душу,—да будетъ между нами крестъ сей. И когда сошлись полки, „мнози челоуѣци благовѣрнии видѣша крестъ надъ Васильковы вои, возвышѣся вельми“.

Разказъ Василя простой, живой и образный, чуждъ, какъ мы сказали, лприама. Онъ только разъ приводитъ текстъ пророка, который былъ въ то время на устахъ у лицъ духовныхъ, какъ противодѣйствіе мести; язычество, всегда согласное съ природными инстинктами челоуѣка, покровительствовало этому чувству, возводило его въ добродѣтель; учителя новой вѣры твердили, что Богъ — отмстникъ, и мщеніе надо возложить на Него,—по слову пророка: „здасть мечь врагомъ и ненавидящимъ сго“. Это-то изреченіе приводитъ Василь послѣ того, какъ упомянулъ о казни Василькомъ тѣхъ совѣтниковъ Давыда, которые дали ему мысль ослѣпить Василька: „Се же второе мученіе створи (Василько) его же не баше лбно створити, дабы Богъ отмстникъ былъ — якоже рече пророкъ“ и т. д. Василь-авторъ поражаетъ своимъ безпристрастіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, стоитъ на правдивной высотѣ практическаго христіанина. Онъ ни разу не произноситъ отъ себя суда надъ злодѣйскимъ поступкомъ Святополка и Давыда, что не преминулъ бы сдѣлать другой повѣствователь его же времени; но судъ этотъ въ рукахъ читателя, передъ которымъ такъ подробно и ясно очерчены крамола и клятвopреступленіе. Къ одному Васильку онъ нѣсколько строже, но и то потому, что онъ требуетъ отъ него большаго, какъ отъ невинно пострадавшаго. По его понятію, такому страдальцу не подобало мстить. Тѣмъ не менѣе, личности князей въ разказѣ Василя необыкновенно полно очерчены съ правдивной стороны. Василько является въ привлекательномъ свѣтѣ. Объясняя автору свои ратныя намѣренія, подавшія поводъ опасаться его, онъ говоритъ откровенно о своихъ благородныхъ за-

мысляхъ и вмѣстѣ самъ изрекаетъ себѣ осужденіе за самопадѣяность, за упоеніе этими замыслами: „Но се повѣдаю ти: по истинѣ яко на мя Богъ наведе за мое возвышеніе, яко приде ми вѣсть, яко идуť ко мнѣ Берендичи, и Печенѣзи и Торци, и рекохъ въ умѣ своємъ: оже ми будутъ Берендичи и Печенѣзи и Торци, реку брату своему Володаревѣ и Давыдови: дайти ми дружину свою молодшую, а сама шѣпта и веселитася. И помыслихъ: на землю Лидскую наступлю на зиму—и мѣщю Русскую землю. И посемъ хотяхъ проситися у Святополка и у Володимера ити на Половци, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою слою за Русскую землю.—И се клепусти Богомъ и его пришествіемъ, яко не помыслилъ зла брати своей ни въ чемъ же, по за мое възнесеніе низложи мя Богъ и смири“.

Повторяя такія слова Василька, авторъ видимо сочувствуетъ ему и здѣсь и при разказѣ о его страданіи. Но нигдѣ не выражаетъ ему похвалы своей. Во всемъ сказаніи выражено сочувствіе только къ одному Владиміру Мономаху.

Былъ ли Василь очевидцемъ ослѣпленія? Конечно, не былъ. А если былъ свидѣтелемъ ослѣпленія, то былъ и свидѣтелемъ поминки князи и сопровождалъ его до Эдвиженія, и видѣлъ попадью, мвшую окровавленную сорочку князя. Но это не изъ чего не видно. Изъ всего этого онъ знаетъ то, что Василько ему могъ разказать. Да онъ не могъ никакъ быть свидѣтелемъ всего этого. Василько былъ пойманъ безъ людей своихъ, да и онъ не былъ его человѣкомъ. Иди къ тезу своему, а не къ господину своему, говоритъ ему Давидъ, послалъ его къ Васильку, съ которымъ онъ и сблизился на Вакѣвѣ дворѣ во Владимірѣ и впервые узналъ о замыслахъ Василька. Ни Святополкъ, ни Давидъ не могли его послать съ палачами, онъ не былъ изъ числа людей, подобныхъ Сновиду-ослѣпителю. Такъ откуда-жъ онъ взялъ всѣ эти подробности?

Склоняя Василька возложить мщеніе на Бога, онъ могъ успокоить мстительную душу князя обѣщаніемъ описать злодѣяніе, чтобы случившееся было извѣстно всѣмъ князьямъ-братьямъ и всѣмъ Русскимъ людямъ. Съ этою цѣлью Василько и могъ разказать ему всѣ впечатлѣнія свои съ тѣхъ поръ, какъ прислали въ Выдубицкій монастырь звать его къ Святополку на именины.

Никто, кромѣ самого страдальца, не могъ съ такою точностью передать всѣ обстоятельства событія. Слѣпцу намятна была минута, когда въ его глазахъ Торчинъ острилъ ножъ, и какъ притиснули его досками передъ страшною питкой. Взывая къ праведному суду, Ва-

силько постарался узнать всѣхъ людей Святополковыхъ во время пути: онъ еще до ослѣпленія десять верстъ проѣхалъ съ ними и могъ узнать, что Торчина звали Беренда; остальныхъ мужей Святополковыхъ онъ и прежде могъ знать.

Послѣ первой мучительной боли, Василько лишился чувствъ и очнулся только въ другомъ городѣ, Здвижени. И мы ничего не знаемъ, что происходило въ этотъ промежутокъ времени. Съ тѣхъ поръ, какъ очнулся князь, мы опять знаемъ все то, что онъ чувствовалъ, слышалъ, говорилъ, требуя окровавленную сорочку, которую отдали мить, и въ которой онъ хотѣлъ предстать передъ Всевышнимъ Судією. Василько помнилъ и трудный путь по замерзлой грязи вплоть до Владиміра-Волинскаго.

Такимъ образомъ, живымъ источникомъ Василя былъ разказъ самого Василька Ростиславича. Эпизодъ о перемиріи въ Кіевѣ, гдѣ авторъ приводитъ слова Мономаха, онъ скорѣе всего узналъ въ Кіевѣ. Онъ не постоянно жилъ во Владимірѣ—это очевидно изъ его словъ: „миѣ сущу тогда во Владимірѣ“. Объ остальныхъ событіяхъ, связанныхъ съ ослѣпленіемъ Василька, авторъ разказываетъ какъ всѣ лѣтописцы. Подробности при осадѣ Владиміра-Волинскаго указываютъ на то, что все, касавшееся этого города, было близко извѣстно автору. Онъ тамъ жывалъ. Подробнѣе извѣстны автору событія въ лагерѣ Волынскихъ и Галицкихъ князей, чѣмъ событія въ лагерѣ Святополка-Михаила.

Склонность къ Мономаху и пребываніе въ Кіевѣ во время Мономахова пришествія, несочувствіе къ Святополку-Михаилу показываютъ, что авторъ не чуждъ былъ дому Всеволода, и быть можетъ, и монастырю Всеволоду—Выдубицкому. Монастырь этотъ, куда заѣзжалъ помолиться Василько, и былъ, можетъ быть, первою связью между Тербовльскимъ княземъ и авторомъ сказанія о немъ, уроженцемъ земли Волынской.

Сильвестръ, игумень Выдубицкій, включилъ повѣсть Василя въ лѣтописецъ, переписанный имъ. Вѣроятно, постриженникъ Печерскаго монастыря, Сильвестръ, — въ монастырѣ, куда призвало его игуменство, — могъ встрѣтить Василево сказаніе или даже самаго Василя, который передалъ ему свой трудъ.

Повѣствователь Василь принадлежитъ къ одному разряду повѣствователей съ Вильгардуинѣмъ. О немъ мы можемъ сказать то же, что Французы говорятъ о своемъ хроникерѣ-разказчикѣ: онъ христіанинъ, хотя и не богословъ, онъ проникнуть чистою вѣрой и про-

стотой христіанина, онъ искренно разказываетъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ. Его основное убѣжденіе — то, что Богъ наказываетъ за грѣхи. Онъ — не глубоко вдумывающійся въ событія историкъ, а правдивый и практическій сказатель. Вѣра въ Бога у него идетъ рука объ руку съ жизненнымъ интересомъ рати. Онъ чутокъ къ нравственному злу, какъ чутокъ и къ жизни военной — въ подробности и въ мелочахъ. Онъ сынъ своего вѣка — вѣка междоусобій и первоученія христіанской религіи.

И. Хрущовъ.